

набылі адпрацовачныя павіннасці. Узровень грашовага чыншу значна вырас ва ўсходнім рэгіёне, а ў заходне-цэнтральным фактычна застаўся нязменным, ці дзе-нідзе нават зменшыўся. Прадуктовы аброк як ва ўсходнім, так і ў заходнім рэгіёнах Беларусі зменаў не пацярпеў.

Літаратура

1. Archiw główny aktów dawnych (AGAD). dz. XXV, №3480/1. 1. 3–7.
2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). ф. 1747. воп. 1. спр. 4. лісты 119–121 адв.
3. Дзяржаўны гістарычны архіў Літвы. ф. 1177. воп. 1. спр. 6616. ліст 2 адв.
4. *Morzy J.* Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w II połowie XVII wieku. Poznań, 1965.
5. *Голубеў В. Ф.* Сялянскае землеўладанне і землекарыстанне на Беларусі XVI – XVIII стст. Мн., 1992.
6. *Лойка П. А.* Прыватнаўласніцкія сяляне Беларусі. Эвалюцыя феадальнай рэнты ў другой палове XVI – XVIII стст. Мн., 1991.
7. *Пичета В. А.* Аграрные реформы в восточных областях Литовско-Русского государства во второй половине XVI и в начале XVII в. // Белоруссия и Литва XV – XVI вв. М., 1961
8. *Рябцевич В. Н.* О чём рассказывают монеты. Мн., 1977.
9. *Спиридонов М. Ф.* Закрепощение крестьянства Беларуси. Мн., 1993.

ПОЛИВАРИАНТНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ИСТОРИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА КАК ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

А. Н. Максимчик

Парад суверенитетов начала 90-х гг. весьма негативно сказался на развитии исторической науки на Северном Кавказе. Развернувшаяся борьба кавказских этносов за обретение собственной государственности актуализировала территориальные проблемы, подняла вопросы о политическом, экономическом доминировании того или иного народа в многонациональных республиках. Стремление сохранить целостность территории Российской Федерации, наличие значительной доли русского населения на Кавказе и многочисленной кавказской диаспоры в России на долгие годы обеспечивают актуальность изучения проблем этого региона.

Здесь первостепенная и ответственная роль принадлежит историкам региона. Дело в том, что этническая психология и самосознание народов Северного Кавказа неразрывно связаны с их историей. Свойственное народам Кавказа уважение к предкам, глубина исторической памяти, зафиксированная не только в хронике, но и в исторических преданиях, ге-

неалогиях, особенности социально-экономического и культурного развития – все это обусловило формирование менталитета, тяготеющего к истории. Поэтому на Кавказе так велик интерес к истории и результатам исторических исследований. Без преувеличения можно сказать, что история стала инструментом этнокультурной самоидентификации народов, она в значительной степени формирует общественное сознание [1, с. 5].

Изучение истории северокавказских этносов в настоящее время развивается в двух направлениях. Первое связано с разработкой политически актуальных для кавказских этносов вопросов. С начала 1990-х и до сего дня остаются ведущими проблемы этногенеза народов Северного Кавказа, Кавказской войны, депортации, геноцида и т.д. [2]. Второе составляют немногочисленные работы, не представляющие политического интереса и методологический плюрализм 90-х гг. их практически не затронул.

Все этапы развития российского кавказоведения очень чувствительно реагировали на те процессы, которые происходили в обществе (первоначально в вопросах вхождения народов Северного Кавказа в состав России в советской науке господствовала идеологема об «абсолютном зле», затем сменившая концепция «наименьшего зла», период «оттепели» и т.д.).

В настоящее время требуется широкий, строго аргументированный научный подход к вопросу о присоединении народов к России. Требуется провести анализ и синтез материалов на трех основных уровнях: субрегиональном, региональном и общероссийском. Российская держава складывалась, как известно, в хронологических пределах двух формаций: феодальной и капиталистической. Каждой из них были присущи свои особые черты, которые влияли на характер присоединения и развитие народов в составе единой державы [3, с. 10].

В данный момент пока еще нет глубоко проработанной историко-методологической модели присоединения. Обозначаются, но в достаточно условном смысле два основных типа: мирный и военный. Каждый из них, в свою очередь, можно подразделить на несколько подгрупп. Первая из выделяемых категорий включает в себя такие события, как добровольное присоединение на базе волеизъявления от имени правящей династии, представителей господствующего класса либо народных собраний [4].

Сущность второй формы выражалась в прямых территориальных захватах, осуществлявшихся в результате конфликтов и войн. Процесс завершался включением соседних регионов в политическую систему Российского государства [5].

В отдельный подтип можно выделить немногочисленные случаи установления протектората в ходе дипломатических акций и военных кампаний. К этой же группе можно отнести и международные договоры, за-

ключенные при разделе территорий и после окончания войн с сопредельными государствами [6].

Историко-типологическое изучение выявляет любопытную картину сочетания различных путей вхождения народов в общий процесс образования Российской империи. Однако их научная группировка серьезно затрудняется иногда отсутствием абсолютно чистого типологического ряда. В этой схеме оказываются смешанные, комбинированные виды и их сочетания [7].

В постсоветский период исследователи Г. Х. Мамбетов, Б. К. Мальбахов и К. Ф. Дзамихов разрабатывают концепцию военно-политического союза Кабарды с Россией (середина XVI – 70-е гг. XVIII в.) [8]. Дзамихов сформулировал методологические принципы подхода к рассмотрению проблемы. В ней речь идет о необходимости избегать прямого и буквального толкования смысла тех или иных актов, оформлявших русско-кабардинские отношения в XVI – первой половине XVIII в. в современных политико-правовых терминах, что ведет к неоправданной «модернизации» характера этих актов. Если же идти от конкретно-исторических явлений и искать адекватные им понятия, то оказывается, что «смысл», значение актов того периода для обеих сторон и реальная практика русско-кабардинских отношений больше соответствует понятию военно-политического союза, имевшего в основе договор о покровительстве 1557 г. и фиксировавшегося в характерных для той эпохи формах (и формулах) феодального вассалитета [9].

Российский взгляд на проблему формирования многонационального Российского государства во многом находится под влиянием дореволюционной историографии [10]. Именно в 90-е гг. XX в. шел процесс переизданий дореволюционных историков (В. А. Потто, Н. Ф. Дубровин, С. М. Броневский и др.), идеи М. Н. Покровского стали фигурировать в исторической литературе [11].

Анализ обширного материала на основе историко-сравнительного метода в исследовании, позволяет сделать следующие выводы:

- ни одна из интерпретаций присоединения Северного Кавказа к России, не была отброшена исторической наукой как антинаучная. Все они обладают аргументацией, необходимой для признания их научными концепциями. В российском кавказоведении отсутствует даже вопрос об антинаучности какой-либо из них. Новые возникали как альтернативы существующим. В разные исторические периоды наблюдается доминирование определенных интерпретаций исторических событий, причинами которого являются господствующие в обществе установки;

- с момента возникновения первых интерпретаций и по настоящее время в российском кавказоведении не появилось таких новых фактов, которые позволили бы уменьшить их число. Например, число фактов, работающих на концепцию «завоевания», во много раз превосходит число фактов, работающих на концепцию «добровольного вхождения», и наоборот. При этом эти два процесса шли параллельно, а поэтому нельзя ни один из них обобщать на весь Северный Кавказ;

- многообразие интерпретаций присоединения северокавказского региона к России строится на различном понимании одних и тех же исторических документов. Обращает на себя внимание то, что любой текст имеет подтекст, причем как управляемый, так и неуправляемый. Методологический и мировоззренческий уровень исследователя существенно влияет на выделение и понимание этого подтекста, а, следовательно, и на понимание всего текста документа.

Войны и репрессии принесли кавказским народам огромные страдания. Однако вряд ли это может оправдать ненаучную аргументацию, весьма часто используемую в исторической литературе.

Литература

1. Кузнецов В. А., Чеченов И. М. История и национальное самосознание. Проблемы современной историографии Северного Кавказа. Пятигорск, 1998
2. Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М., 2003; Шнирельман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006; Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа/ К. С. Гаджиев. М., 2001; Алексеева Б. П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. М., Кисловодск, 1993 и др.
3. Агаджанов С. Г. Основные проблемы истории образования и развития многонационального Российского государства // История и историки. М., 1995. С. 6–15
4. Матвеев В. А. Исторические особенности утверждения геополитических позиций России на Северном Кавказе (дискуссионные аспекты проблемы и реальности эпохи) /Под ред. и с предисл. В. Б. Виноградова. Армавир, Ростов-на-Дону, 2002; Виноградов В. Б. Российский Северный Кавказ: факты, события, люди. Под ред. проф. С. Л. Дударева. Москва-Армавир, 2006; Блиев М. М. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в/ М. М. Блиев, Р. С. Базаров. Владикавказ, 2000/
5. Россия и Черкесия (вторая половина XVIII - XIX вв.). Майкоп, 1995; Анчабадзе Г.З. Вайнахи. Тбилиси, 2001; Бейтуганов С. И. Кабарда и Ермолов. Очерки истории. Нальчик, 1993; Боков Ф. П. По поводу концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России: Теоретическо-методологический аспект. Грозный, 1990
6. История Дагестана с древнейших времен до наших дней / Ин-т истории, археологии и этнографии. В 2 т.: Т. 1: История Дагестана с древнейших времен до XX века. Отв. ред. Османов А.И. М.; 2004 и др.
7. Аутлеев П. У. Адыгея в хронике событий (с древнейших времен до 1917 года). Майкоп, 1990; Блиева З. М. Российско-чеченские отношения в XVII – середине

- XVIII веках // Вопросы истории. 2003. № 12. С. 47–61; Бирюков А. В. Российско-чеченские отношения в XVIII – середине XIX века // Вопросы истории. 1998. № 2 С. 47–59 и др.
8. Мальбахов Б. К., Эльмесов А. М. Средневековая Кабарда. Внутренние и внешние аспекты истории. Нальчик, 1994; Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик, 1994
9. Дзамихов К. Ф. Адыги и Россия. Формы исторического взаимодействия. М., 2000. С. 110–123
10. Присоединение Кавказа к России. XIX век. СПб., 2005; Россия и Чечня. 200-летняя война: Сб. Сост. А. Блинский. СПб, 2000 и др.
11. Гаджиев В. Г., Борохова И. М. Н. И. Покровский и его роль в развитии отечественного кавказоведения // Научная мысль Кавказа. 1998. № 1. С. 72–79

ЖУРНАЛІСЦКАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ В. КНОРЫНА Ў 1917–1920 гг.

Д. А. Марціновіч

Пачатак журналісцкай дзейнасці Кнорына шчыльна звязаны з выданнем газеты «Звязда», якая першапачаткова выходзіла па-руску, і толькі з 1925 года на беларускай і рускай мовах (а з 1927 года толькі па-беларуску). Яе першы нумар выйшаў у Мінску 27 ліпеня 1917 года накладам 3000 асобнікаў [6, с. 100]. Спярша газета выдавалася як орган Мінскага камітэта РСДРП(б), а пасля Паўночна-Заходняга абласнога камітэта РСДРП(б) [2, с. 122]. Як сцвярджае В.Солскі, рэдактарам «Звязды» прызначылі А.Мяснікова [6, с. 101], а вось аўтары «Гісторыі беларускай жуналістыкі» называюць першымі рэдактарамі М.Фрунзе і А.Мяснікова [2, с. 122]. Разам з тым прызначэнне Мяснікова мела фармальны характар, паколькі яго хоць і прызначалі на шматлікія пасады, але канкрэтную працу за галоўнага рэдактара рабілі іншыя [6, с. 101]. Газету фактычна выпускалі тры чалавекі: Кнорын (афіцыйна ён узначальваў аддзел унутранага і замежнага агляду, а таксама працаваў адказным сакратаром), яго памочнік Алібегаў і сакратар рэдакцыі Галкін, якія актыўна карысталіся «нажніцамі» (творча пераапрацоўвалі або проста перапісвалі асобныя матэрыялы з цэнтральных газет). Але гэта з'ява была распаўсюджана нядоўга, бо неўзабаве (у канцы ліпеня) большавіцкія цэнтральныя газеты былі закрыты па загаду Часовага ўрада.

У новых умовах газеце даводзілася самой выпрацоўваць свой курс. «Звязда» пісала аб праследаваннях большавікоў у Петраградзе і на фронце, выступала супраць Часовага ўрада, але вызначанай палітычнай лініі ў яе не было. Да намераў Леніна кіраўніцтва «Звязды» ставілася, калі верыць В.Солскаму, даволі скептычна. Кнорын увогуле быў праціўнікам такіх намераў [6, с. 116], у тым ліку і таму, што супрацоўнікам даводзілася працаваць у складаных мясцовых умовах, дзе значная ўлада